

II

Постоялый двор под незатейливым названием «Приют» оказался откровенно запущенным ветхим строением, притулившимся в конце какого-то вконец разбитого проселка, ответвляющегося от тракта и на добрую милю убегающего прямо в непролазную лесную чащу. Уж и не знаю, кому пришло в голову строиться в таком месте? Да и мрачные диковатого вида хозяева заведения не производили впечатление людей, привычных к частым гостям. Лесовики, одно слово.

– Какой ужас! – без обиняков выразила общее мнение относительно предложенного нам ужина Розалия Бэнкс, брезгливо отодвигая от себя глиняную плошку с гречневой кашей, приправленной шкварками и щедро сдобренной чесноком. – Макс, не ешь это! – она отобрала тарелку и у супруга. Тот проводил ее безучастным взглядом.

– Надеюсь, у них тут хотя бы клопов нет? – жеманно поправила пенсне мисс Вайзель.

– Или они хотя бы не кусаются, как бешеные собаки, – проворчал Лоренцо, брезгливо тыкая ложкой в кашу.

– А по-моему, ничего, – хмыкнул с неожиданным аппетитом уплетающий за обе щеки гречку Дарни-Младший. – Совсем как готовила моя матушка, упокой Свет ее душу.

Розалия Бэнкс воззрилась на него в немом ужасе. Казалось, даже перо у нее на шляпке распушилось, как хвост у испуганной кошки. Того и гляди, наша леди зашипит, зафыркает. Я ковырнул на пробу поверхность каши предложенной мне деревянной ложкой, отправил немного в рот и, прожевав, задумчиво констатировал:

– Есть можно.

К счастью, чай и пирог с брусникой, поданные недобро зыркающей на нас из-под кустистых бровей хозяйкой дома, оказались более чем сносными, и даже наши дамы по завершению ужина смогли отправиться в отведенные им комнаты не совсем уж голодными.

– Мисс, – я предложил руку поднявшейся из-за стола Марте, – позвольте?

Она улыбнулась уголками губ и, обхватив меня за локоть, направилась вместе со мною вверх по лестнице.

– Ах, даже не знаю, – негромко, так что слышать ее мог, должно быть, только я, проговорила Марта, – смогу ли я сегодня уснуть? В таком-то месте. – Ее пальчики едва ощутимо сжались на моей руке.

Я повернулся к женщине, надеясь увидеть ее лицо, но вместо этого уткнулся носом в ее белый бант, обращенный ко мне.

– Сюда, сюда, вот сюда, – семенил впереди нас хозяин постоялого двора. – Для кучеров, служилых, значит, мы на первом этаже постелим, за кухонькой, значит. А для гостей дорогих вот, извольте, значит, комнатки. Одна. Другая. И еще, значит... – Он толкал идущие вдоль длинного коридора по правую и левую руки двери, а следующая за ним с лучиной хозяйка проходила внутрь и зажигала подвешенные на стенах масляные лампы.

– Это черт знает что, – послышался где-то сзади капризный голосок мисс Бэнкс. – И за такие деньги! Возмутительно! Макс...

Моя спутница остановилась возле одной из дверей почти в самом конце коридора и, повернувшись ко мне, слегка наклонила голову, в который раз пряча взгляд за полями своей шляпки.

- Благодарю вас, мистер Тревистон, - сказала она. - Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, - кивнул я.

Марта быстро развернулась на месте, колыхнув полами пальто, и юркнула в свою комнату. А я, бросив еще один взгляд назад вдоль по коридору, шагнул к дверям комнатки напротив, из которой как раз выходила хозяйка постоянного двора, прикрывая рукою трепещущий огонек лучины.

- Доброй ночи, - я попытался быть любезен и с этой нелюдимою женщиной.

Но та лишь, вновь странно покосившись на меня, поспешила прочь. Коридор погрузился во мрак и приглушенное неразборчивое шебуршание, доносящееся из-за закрытых дверей. Я отступил назад в комнату, прикрыл за собою дверь и огляделся.

Стол, стул, кровать, узенький шкаф-шифоньер слева от входа и выходящее на маленький внутренний дворик окно. Пахло какими-то пряными травами. На столе стояли высокий узкий кувшин с водою, рядом - накрытый чистым полотенцем таз для умывания. Бесхитростно, скромно, но приемлемо. Хотя я, пожалуй, многое бы дал за то, чтобы увидеть выражение лица Розалии Бэнкс в тот момент, когда она вошла в свою комнату.

Я вытащил сзади из-за пояса брюк револьвер, который вручила мне мисс Джойс перед самой отправкой в портал, и положил его на стол. Швырнул сумку с вещами в шкаф, повесил куртку на спинку стула и, пройдя к окну, на всякий случай опустил раму вниз до характерного щелчка. После чего, не раздеваясь, плюхнулся на застеленную темным пледом кровать. Устало прикрыл глаза, закинув ноги на невысокую спинку.

«Какая странная чехарда событий», - мысли лениво текли в голове. - «Еще вчера утром я стоял в актовом зале Академии на берегу Ледяного моря, а уже вечером встречал закат на другом конце мира, сидя с чашкою кофе и булочками с корицей, что приготовила Кларисса, на смотровой площадке маяка на берегу Внешнего моря». - Я невольно облизнулся, вспомнив вкус выпечки домашнего голема моей новой наставницы. - «Сегодня утром я летал на коврейсамолете, сражаясь с офтарским флотом, а вечер встречаю на забытом богом постоялом дворе в отрогах Идарийских гор в сотнях миль от Башни Чайки. А самое большее через неделю я и вовсе буду на Южном континенте! Там, где пока еще не был даже Вольфганг!» - Я усмехнулся куда-то в потолок. - «Это какое-то безумие. Но я хотел бы сейчас перемолвиться парой словечек с Марти и похвастаться ему тем, что случилось со мною за эти два дня. Интересно, а как там у них с Мартиной дела обстоят?»

Сон решительно не шел ко мне. Да я и не звал его. Я ждал. Сомневался. Я все еще не был до конца уверен в правдивости сплетен, которыми каждый раз по возвращению из Малых Королевств делился со мною шепотом на ушко старший брат, когда мачеха и отец точно не могли нас слышать. О том, по каким приметам, прогуливаясь по старым улочкам тамошних городов, в ложе театра или оперы, на городской ярмарке или в крупном универмаге, где между рядами с перчатками и шляпками фланируют леди из высшего света, можно безошибочно распознать жриц древнейшей в этом мире профессии. Ну или просто женщин, быть может, даже вовсе не нуждающихся в деньгах, но готовых к внезапному мимолетному приключению с понравившимся им мужчиной.

Мне казалось, что знаки, которые я прочел во встреченной мною в пути женщине, были достаточно недвусмысленны. И все же я боялся ошибиться, и попасть в неловкое положение. Я лежал на постели, вновь и вновь мысленно возвращаясь к событиям последних дней, следя за тем, как медленно скользит по стене напротив перекошенный прямоугольник лунного света, льющийся прямо в мое окно, и не знал, как мне поступить. Сделать первый шаг? Выйти в коридор, постучать в ее дверь и под каким-нибудь благовидным предлогом попытаться оказаться за порогом ее комнаты, а там уж события как-нибудь сами примут определенный оборот? Или же выбросить все эти глупости и юношеские мечты из головы, перевернуться на бок, лицом к стене и попытаться таки заснуть? Ведь отправление дилижанса завтра рано утром.

В коридоре тихо скрипнула дверь, раздались негромкие легкие шаги. Я резко сел на кровати, дыхание как-то вдруг резко перехватило. Шаги замерли возле моей двери. Некоторое время стояла вязкая, почти осязаемая тишина, я боялся даже пошевелиться, чтобы каким-нибудь неосторожным звуком не вспугнуть ее. Затем шаги зазвучали вновь, но теперь они уже неторопливо, словно в раздумье, удалялись прочь по коридору. Я быстро облизал губы и, еще мгновение поколебавшись, решился.

Соскочив с кровати, осторожно, стараясь не скрипнуть какой-нибудь подлой половицей, я прошел к двери. Приоткрыл ее и выглянул наружу. Это в самом деле была Марта. Она сняла свое пальто и шляпку, оставшись в длинном темно-синем, почти черном в полумраке, платье с белоснежным, застегнутым под самый подбородок стоячим воротником, волосы были собраны в узелок на затылке. Она стояла на углу, в пол оборота ко мне, с улыбкой, блуждающей на губах.

Я вышел из комнаты. Марта быстро вскинула палец к губам и, поманив меня за собою, скрылась за поворотом. Я оглянулся, чтобы убедиться, что коридор пуст, и, притворив дверь, скользнул за нею. Она ждала меня в закутке за углом, присев на подоконник большого, едва ли не во всю ширину коридора, окна с видом на замерший в ночи лес. Луна светила сейчас с другой стороны дома, так что за этим окном стояла почти непроглядная тьма, и я с трудом различал на ее фоне еще более темный силуэт женщины со светлым пятном на месте лица и воротника ее блузы.

- Марта, - негромко позвал я.

- Тссс.

Она шагнула навстречу мне, положив ладони на грудь. Сжала пальчики, скомкав рубашку. Потянулась вверх навстречу моим губам. О, да! Эта женщина умела целоваться. Не то что наши девчонки, мои сверстницы. И любила. В отличие от профессионалок из Нижнего города. Ее ладошка нырнула в мои волосы, язык скользнул по зубам и проник внутрь. Я задохнулся, с шумом втянул носом воздух и, увлекаемый ею, двинулся вперед, куда женщина, отступая, вновь не уперлась в подоконник. Она внезапно оторвалась от меня, потянула губами куда-то вбок, обожгла дыханием кожу на шее и, легонько прикусив ее зубами, вдруг резко повернулась лицом к окну. Зашуршало собираемое складками платье, и я увидел открывшиеся моему взору длинные стройные ноги в плотных теплых чулках и белоснежные, отчетливо различимые даже в темноте ягодички над ними, перечеркнутые сверху вниз вдавившимися в кожу резинками от пояса и тоненькой полоской черных же трусиков. Женщина оперлась обеими руками о подоконник и замерла в ожидании.

Я с трудом сглотнул скопившуюся во рту слюну. Медленно положил ладони на эти беззащитные белые половинки. Повел руками вниз к чулкам, поддев большие пальцы под

резинки. Дыхание женщины передо мной несколько сбилось. Скользнул одной ладонью меж ягодиц, вжимаясь пальцами в черный треугольник ткани в самом низу. А другой, царапнув ее по бедру, нырнул под юбку спереди. Женщина наклонила голову ниже и требовательно толкнулась назад бедрами.

Я более не стал заставлять себя ждать. Пальцы поднырнули под полоску трусиков, отодвигая ее в сторону, тихо защелкали пуговицы брюк. Женщина негромко выдохнула, когда я вошел в нее, стиснула пальчики на подоконнике. Я зарылся лицом в волосы у нее на затылке, нащупал пальцами затвердевший бугорок клитора, другими – ее приоткрытые губы. Вошел в них, заполняя ее одновременно с двух сторон. Чувствуя, как она сжимает меня колечками мышц внизу и зубками во рту. Толкнулся в ней. Быстрее. Глубже.

Две смазанные, нечеткие тени молча двигались в унисон, поскрипывая старым растрескавшимся подоконником. Да время от времени раздавался приглушенный стук каблучков, когда женщина переступала с ноги на ногу, становясь поудобнее.

А затем все вдруг кончилось. Она хрипло рассмеялась, прижавшись щекою к стеклу, раз, другой, содрогнувшись всем телом. А я мгновением позже так же застыл, изливаясь в нее. Никаких возражений или попыток остановить меня с ее стороны не последовало. Я благодарно протянул носом по тыльной стороне ее шеи, коснулся ее губами и наконец подался назад, высвобождаясь из женщины.

Марта вновь обернулась ко мне, оправляя подол платья. Даже в полумраке, царящем вокруг, я видел ее ослепительную белозубую улыбку. Наклонился вперед к ее губам.

– Умничка, – прошептала она уже в поцелуй.

В ее руке что-то сверкнуло, и небольшой, но тяжелый предмет с тихим стуком лег на подоконник рядом. Разорвав поцелуй, Марта с негромким смешком ловко проскользнула мимо меня и устремилась назад по коридору, к своей комнате. Я торопливо застегнулся, подхватил с окна оставленную ею вещицу и дернулся было следом, но вдруг остановился. Задумчиво хмыкнул, покрутив в руках свой трофей, и шагнул назад к окну, к хоть какому-нибудь свету, чтобы повнимательнее его рассмотреть.

Монета. Полновесная серебряная монета в десять талеров чеканки Северной Септархии – семимачтовый парусник с аверса и якорь на решке. Быть может, даже с того же монетного двора, которым заведует мой отец.

Я едва не засмеялся в голос. Так вот оно в чем дело! Бант, чертов бант! Мы оба, глупые иностранцы, наслушавшиеся баек про Малые Королевства, обманулись друг в друге. Я принял ее за девицу легкого поведения. А она, должно быть, полагала, что надев этот дурацкий бант и всячески его демонстрируя, привлечет к себе внимание желающих подзаработать молодых людей. Но из нас двоих она первая успела предложить мне деньги в уплату за секс. Хотя и, надо признать, лишь ненамного опередив в этом меня самого.

Улыбаясь от уха до уха, я обернулся к ней. Вытянул вперед руку с зажатой в ней монетой и собрался уже окликнуть ее, объяснить нелепость сложившейся ситуации и предложить вместе над нею посмеяться. Но в этот момент четко обрисовавшийся в конце коридора женский силуэт словно сдуло огромной бесформенной тенью, метнувшейся из-за угла. Раздался сдавленный писк, а затем только удаляющееся приглушенное мычание и глухой топот тяжелых ног. Я захлопнул рот, не успев вымолвить ни звука, и так и замер с протянутой рукой. А в проеме коридора, меж тем, появилась новая тень. Невысокая, ссутуленная, словно

скрюченная. В нос мне ударил зловонный запах псины.

Тень медленно повернулась в мою сторону, полыхнув двумя горящими алым глазами, и я непроизвольно сложил пальцы в знаке «Развидь». Простейшая, почти детская магия, к которой в Академии святой Стефании школяры прибегают уже едва ли не с младших классов, когда требуется, чтобы взгляд учителя, скользящий по классу в поисках того, кто пойдет сейчас отвечать у доски, прошел мимо тебя, не задерживаясь, словно ты вдруг превратился в пустое место. Разумеется, с преподающими в Академии профессиональными чародеями такой примитивный трюк никогда не срабатывает. Что не мешает старшеклассникам каждый год передавать его новичкам как величайшую тайну.

Но в этот раз знак все же себя оправдал. Тень громко по-собачьи чихнула, отвернулась и, опустившись вдруг на четвереньки, устремилась дальше по коридору, где исчезла схваченная другой тварью Марта. По полу зацокали самые настоящие когти. Я медленно опустил руку, беззвучно переводя дыхание, и только теперь услышал, как тишина в доме постепенно наполняется посторонними, еще почти неразличимыми звуками. Шуршанием, шепотом, негромким постукиванием и скрипами.

А потом ночь взрезал первый крик. Мужской. И почти сразу же присоединившийся к нему женский визг. Что-то где-то упало, стукнуло, послышался звон разбитого стекла, коридор за поворотом наполнился топотом. Но это был не звук человеческих ног, не выбегающие из своих комнат постояльцы. Глухо клацали об пол тяжеленные неубирающиеся когти. Заскрипела ведущая на первый этаж лестница.

Первый выстрел заставил меня вздрогнуть, встрепнуться, сбрасывая ледяное оцепенение. За ним раздался второй, третий, и дальше они уже звучали почти несмолкающей канонадой. На ходу пытаюсь слепить в ладонях что-то вроде огненного шара, я вывалился за угол, не столько полный решимости встретиться лицом к лицу с неведомой опасностью, сколько гонимый вперед собственным страхом. Но коридор встретил меня пустотой и распахнутыми настежь дверьми. Я прыгнул к своей комнате, заглянул внутрь. Стол и стул опрокинуты, кровать с разодранным в клочья пледом наполовину отодвинута от стены, а окно во внутренний дворик распахнуто настежь. И именно оттуда теперь доносятся несмолкающие звуки пальбы.

Я торопливо обшарил взглядом пол возле перевернутого стола и, зацепившись краем глаза за тусклый отблеск металла, с радостным криком бросился к револьверу. Магия магией, но я еще не настолько хорошо ею владею, чтобы полагаться только лишь на чары, когда в моем распоряжении имеется более надежное и безотказное оружие. Я подхватил револьвер с пола, на всякий случай опасливо обернулся на дверь и боком-боком приблизился к окну. Впрочем, то, что я там увидел, заставило меня позабыть обо всем прочем.

В центре дворика прямо на смятой, истоптанной клумбе с давно засохшими цветами стояла Розалия Бэнкс. Из одежды на ней были лишь наполовину расшнурованный корсет да белые трогательные панталоны. Растрепанные волосы цвета платины бились на ветру, а в разведенных в разные стороны руках леди играючи, словно пушинки, держала два массивных, поблескивающих вороненой сталью автоматических пистолета системы «Воузер». Те самые, что коробчатыми магазинами на двадцать патронов. Стволы обоих пистолетов дымились, а девушка, хищно оскалившись, переводила взгляд из стороны в сторону, будто в поисках новой цели. За спиной у нее молчаливой громадой высился Макс в расстегнутой на груди сорочке, штанах на подтяжках и с дробовиком в руках. А вокруг странной парочки застыли или все еще корчились в агонии с десятков скрюченных, покрытых свалявшейся серой шерстью тел, причудливо соединяющих в себе черты человека и то ли волка то ли огромной собаки. Еще парочка повисла в проемах окон, ведущих из помещений первого этажа во внутренний двор.

– Роза... – позвал было девушку я, но позади меня вдруг что-то грохнуло, и моего носа вновь коснулся запах псины.

Я, не раздумывая, с головою нырнул в окно. Выставив перед собою руки, приземлился на идущую скатом крышу какое-то сарайчики десятью футами ниже, выронил револьвер и, перекатившись через плечо, плюхнулся наземь на спину. В самый раз, чтобы полюбоваться, как из окна вдогонку за мной с низким утробным рыком сиганула стремительная серая тень.

– Макс! – резанул по ушам звонкий голос мисс Бэнкс.

Грохнул дробовик. Невидимая рука подхватила летящую на меня тварь прямо в воздухе и со всей мочи шмякнула ее об стену сарая. Послышался хруст гнилых досок, жалобный взвизг, и наступила тишина.

– Где твоя дама сердца, кавалер? – окликнула меня Розалия Бэнкс таким не вяжущимся с ее уже ставшим привычным мне тоном.

– А? Что? – Я обернулся к ней, одновременно шаря глазами по сторонам в поисках своего револьвера. – Откуда вы...

– Понятно, значит уволокли вместе со всеми. – Розалия отточенным жестом встряхнула разом обоими пистолетами, выщелкивая пустые обоймы. – Перезаряди, – велела она Макс.

Тот встал между мною и Розалией, повернувшись ко мне спиной, и моя челюсть вновь отвисла от удивления. В спине у Макса была дверца. Обыкновенная такая дверца. Как в шкафчике. Двустворчатая. С аккуратно разрезанной и нашитой на нее рубашкой, так что глядя на него спереди, никому бы и в голову не пришло заподозрить неладное. Внутри же Макс был пустой. Точнее, не пустой, конечно же, а под завязку набитый всевозможным оружием. Винтовки, пистолеты, пистолеты-пулеметы, обоймы к ним и даже связка гранат, подвешенная сверху, словно сушеные яблоки на ниточке.

Голем. Еще один голем. За последние два дня я встретил уже в три раза больше големов, чем за восемнадцать лет предыдущей жизни! Я начинаю бояться дожить до следующей недели.

– Кто... кто вы такие? – пораженно выдохнул я. – И что, что, черт возьми, здесь происходит?! – повторил я недавний свой вопрос, что уже пытался сегодня ранее адресовать мисс Джойс, когда на нас вдруг напал явившийся с другого конца света офтарский флот. Ну хоть кто-то же за этот безумный день должен мне на него ответить?

Макс отошел в сторону, и Розалия Бэнкс вновь предстала передо мною. Полураздетая, но отнюдь не смешная или же сексуальная, а скорее пугающая. До чертиков пугающая.

– А вот мы сейчас кое-кого и расспросим на этот счет. – Она вдруг совсем недобро усмехнулась и шагнула мимо меня к одному из разбросанных вокруг тел. – Этот, кажется, еще живой, только прикидывается мертвым. Я в него всего одну пулю всадила, и ту в плечо. Ты видел когда-нибудь волколаков? – неожиданно поинтересовалась она у меня.

– Волколаков? – Я перевел растерянный взгляд с девушки на тушу у ее ног. – В анатомичке, если только...

Девушка пнула ногою свернувшуюся калачиком тварь. Безмолвно выросший рядом с нею Макс сунул ствол дробовика оборотню прямо в морду.

- Тогда полюбуйся вживую, - хмыкнула Розалия. - У тебя, кстати, есть серебро?

- Нет, - покачал я головою.

- Жаль. Ладно, обойдемся и честной сталью.

Розалия поставила ножку на серую тушу и ничтоже сумняшеся задрала штанину панталон, обнажив перевязь с метательными ножами на левом бедре. Поддела один из них за колечко на рукояти, извлекая, и, присев возле не подающего признаков жизни полуволка-получеловека, со всей силы вонзила клинок ему в лапу.

Оборотень взвыл. Задергался, заскулил, беспомощно засучил лапами, надежно прижатый к земле стволом дробовика и ногою возвышающегося над ним голема.

- Слушай сюда, ты, дворняга-переросток, - громко, стараясь перекрыть скулеж волколака, обратилась к нему Розалия Бэнкс. - Сейчас ты у меня заговоришь. И, если хочешь уползти отсюда на брюхе, приволакивая лапу, но все же живой, то ты расскажешь мне все. Вообще все. Все, что знаешь или о чем хотя бы догадываешься. Иначе... - она провернула нож в ране, и тварь забилась сильнее. - Иначе я буду освежевывать тебя до утра. Долго и со вкусом. И можешь не сомневаться, песик, я не позволю тебе сдохнуть раньше, чем первые лучи солнца окрасят стены этой вашей вонючей конуры, куда вы нас заманили! - Она нажала на клинок, погружая его еще глубже в тело оборотня. - Говори!

И волколак заговорил.

<http://tl.rulate.ru/book/11029/214961>